

После шести часов, когда небо потемнело, Дава проснулся и выбежал босиком из комнаты. Увидев сидящего в гостиной человека, он на мгновение застыл.

— Разве ты не узнаешь меня после сна? — Сун Чжаоди подняла голову, услышав топот. — Твой папа пошел за продуктами.

Мальчик поджал губы и ничего не сказал.

— Ты хочешь в туалет? — спросила Сун Чжаоди. — Будь осторожен, когда спускаешься по лестнице, я останусь присмотреть за Санвой.

В гостиной на втором этаже стояли две деревянные скамейки. Сун Чжаоди сидела на одной из них и шила одежду, а на другой лежало маленькое стеганое одеяло. В одеяле и в правду спал Санва.

Чжун Цзяньго не было дома, а Чжун Дава не знал, как поладить с Сун Чжаоди. Он подумывал закатить глаза и снова назвать ее плохой женщиной, но заметил в руках девушки свою одежду. Мальчик согласно угукнул и медленно спустился по лестнице.

Сун Чжаоди сначала думала, что даже если ребенок не назовет ее плохой женщиной, он все равно будет высокомерно фыркать. Когда она увидела, что он так хорошо себя ведет, она удивленно подняла брови.

— Проснулся? — Чжун Цзяньго распахнул калитку, увидел, что его старший сын снова мочится на цветы и почувствовал головную боль. — Ты не можешь добежать до туалета?

— Туалет слишком далеко, — сказал мальчик и посмотрел на входную дверь. Увидев, что Сун Чжаоди не спустилась, он поманил отца и прошептал ему:

— Папа, она шьет для меня одежду.

— Кто это «она»? — поинтересовался Чжун Цзяньго.

Дава поджал губы и посмотрел отцу в глаза:

— Ты знаешь, кто.

— Твоя мама, — сказал Чжун Цзяньго. — Если ты не хочешь называть ее мамой, то зови матушкой. Мой сын не немой, он хороший мальчик, который помнит о вежливости, верно?

Дава хмыкнул и пошел в дом.

Чжун Цзяньго, понимая, что нельзя слишком наседавать на него, пошел следом и спросил:

— Откуда ты знаешь, что твоя мачеха шьет для тебя одежду?

— Я надевал ее сегодня.

Ребенок обернулся, заметил, что его отец несет в руках много вещей, и его глаза загорелись:

— Папа, что ты купил?

— Баклажаны, капусту, салат-латук, бок-чой, зеленый лук, имбирь и чеснок.

— А мясо? — Лицо ребенка вытянулось в разочаровании. — Я хочу съесть мяса.

— Все остальные деньги были потрачены вами на конфеты, сухое молоко и солод. Я куплю мясо со следующей зарплаты.

— У меня все еще осталось много денег, хватит, чтобы купить курицу, — сказала Сун Чжаоди, высовываясь из окна второго этажа. — Купи еще цыплят и утят, я буду разводить птицу.

Чжун Цзяньго поднял голову и увидел, что на лице Сун Чжаоди по-прежнему нет улыбки. Он немного подумал и сказал:

— Хорошо. Одежда Давы еще грязная, я постираю ее чуть позже, а ты зашьешь.

— Я уже зашила ту дырку на колене, — Сун Чжаоди перерезала нитку, бросила штаны в таз и переложила младшего ребенка на кровать, прежде чем отвести растерянного Эрву вниз.

Поскольку они поздно пообедали, Сун Чжаоди не планировала готовить плотный ужин. Но она переживала, что двое детей проснутся голодными посреди ночи, поэтому поджарила салатные листья с чесноком, приготовила для двоих детей омлет с луком-шалотом и немного рисовой каши.

Тарелки с зеленым салатом, желтым омлетом с зеленым луком-шалотом и с кашей из белого риса выглядят особенно освежающе. У Чжун Цзяньго разыгрался аппетит, а Дава, усевшись на колени на скамейке, не поднимая головы, быстро набил рот кашей и омлетом.

Сун Чжаоди не была голодна, поэтому она кормила Эрву. Заметив, что малыш радостно лопает кашу, она любопытствовала:

— Неужели это так вкусно?

— Восхитительно, — сказал Чжун Цзяньго. — Я и раньше ел салат, но он был не такой вкусный, как у тебя. Я не видел, чтобы ты что-то добавляла в него, как ты его приготовила?

— Кроме чеснока и соли, я добавила свиное сало. Возможно, это потому, что я добавляю больше масла. Как моя мама готовит, она добавляет масла на кончике палочки, чтобы не перебивать вкус.

— Может быть. Дава, это вкусно?

— Вкусно, — ребенок поднял голову, встретился взглядом с Сун Чжаоди, он слегка покраснел и повернулся к отцу. — Папа, мы правда будем есть курицу завтра?

— Давай завтра съедим курицу, — сказала девушка. — Однако ты должен помочь мне позаботиться о младших братьях. Ты не можешь убежать играть. В противном случае, даже если курица будет убита, я не буду ее готовить.

— Но если ты ее не приготовишь, то она будет вонять, — выпалил Дава.

Сун Чжаоди улыбнулась и сказала:

— Ты, наверное, не знаешь, что курицу можно засолить и она будет храниться до трех или пяти месяцев.

— Папа! — Дава повернулся к отцу и умоляюще посмотрел на него.

Чжун Цзяньго взглянул на сына:

— Ты наелся? Ложись спать, когда доешь.

— Еще нет, — Дава почти доел свою порцию. Однако утром он долго спал на корабле, а потом заснул днем, теперь ему совсем не хочется спать. Поэтому он взял ложку и продолжил есть кашу.

Сон Чжаоди увидела, что движения ложкой Эрвы замедлились:

— Ты наелся?

Эрва кивнул, увидел, что в миске еще осталась половина рисовой каши, украдкой взглянул на Сун Чжаоди и прошептал:

— Тут осталось.

— Отдай это своему отцу, пусть доест, — Сун Чжаоди посмотрела на Чжун Цзяньго. — Хочешь?

— Это остатки от моего сына, а не чужие объедки, — улыбнулся Чжун Цзяньго и взял миску Эрвы. — Дава?

— Я наелся. Папа, помоги мне доесть.

Чжун Цзяньго взглянул на двух своих сыновей:

— Вы двое съели всего по тарелке омлета с луком, быстро насытились, — и высыпал остатки риса двух сыновей в свою миску.

Сун Чжаоди улыбнулась и уже собиралась открыть рот, но услышала тихий плач. Она неосознанно спросила:

— Кто плачет?

— Санва проснулся.

Чжун Цзяньго по привычке хотел сказать: «Пойди посмотри», но осознал, что напротив него сидит его только что приехавшая жена:

— Я пойду посмотрю.

— Я сама схожу, а ты убери тарелки, — Сун Чжаоди встала и пошла наверх.

Чжун Цзяньго наблюдал, как спина Сун Чжаоди исчезает у входа на лестницу, а затем сказал двум своим сыновьям:

— Сейчас ее здесь нет, вы двое, скажите мне правду, вам нравится эта мачеха?

Эрва посмотрел на старшего брата, показывая, что он согласится с любым его словом.